

История философии, 40. Лейбниц о зле.

Автор: Артур Холмс из Уитонского колледжа.

Итак, сегодня днем, подводя итог нашему обсуждению Лейбница, мы хотим прежде всего сделать несколько замечаний, на которые у нас не хватило времени в прошлый раз, по проблеме свободы у Лейбница, а затем, поскольку это является необходимым условием, перейти к проблеме зла. Теодицея Лейбница, сокращенная версия которой есть в антологии, — это одна из классических работ во всей истории мысли, посвященная проблеме зла. Поэтому основное внимание будет уделено именно ей.

Но совершенно очевидно, что если Лейбниц, как христианский мыслитель, собирается иметь дело со злом, в частности с моральным злом, от него ожидается обращение к аргументу Августина о свободе воли. И, следовательно, вопрос о человеческой свободе становится очень важным. Мы уже видели в этот период XVII века, что такие люди, как Томас Гоббс и Бенедикт Спиноза, похоже, отвергают реалистический взгляд на свободу воли .

Если мы проведем различие между реализмом и антиреализмом по различным вопросам, то оба они будут антиреалистичными в отношении свободы воли . Хотя нам самим кажется, что мы делаем свободный выбор, этот опыт свободного выбора — всего лишь запутанное понятие. Сам выбор обусловлен причинно-следственными процессами, которые доминируют над всем остальным.

С другой стороны, если хотите, существует и другая крайность — индетерминизм Декарта. В силу дуализма разума и тела, представляющих собой две отдельные сущности, нет необходимости рассматривать разум в его концепциях как нечто отличное от личности, в его концептуализации , рассуждениях или в утверждениях или отрицаниях, которые воля делает в отношении того, что она знает. По мнению Декарта, человеческая воля, кажется, действует в своего рода причинном вакууме, в совершенно индетерминистской ситуации, что возможно только потому, что разум, функцией которого является воля, является отдельной сущностью, функционирует независимо, не подчиняясь причинно-следственным связям, хотя причинно-следственные связи между разумом и телом действительно возникают в связи с физическими стимулами, вызывающими чувственные реакции, эмоциональные переживания и так далее.

Но воля остается свободной. В этом контексте Лейбниц, если хотите, оказывается между молотом и наковальней. Куда же он пойдет? Но помните, что он разрабатывает метафизическую систему иного рода.

Его взгляды не относятся к механистическому материализму Гоббса, и, с другой стороны, он не является просто индетерминистской системой, в которой есть только действенные и материальные причины, как в случае с Декартом.

Помните, он развивает телеологическую метафизику. Он говорит о внутренних сущностях каждой монады, так что она обладает собственной предопределенной потенцией, готовой к актуализации.

И вы поймете это, если задумаетесь над его теорией монад: все, что делает монада, обусловлено ее внутренней природой, которая, так сказать, запрограммирована на функционирование именно так, как она функционирует. На первый взгляд, это, кажется, подразумевает некий внутренний детерминизм, некое внутреннее самоопределение. То, что я делаю, определяется моей индивидуальной природой, а все природы индивидуальны.

Это определяется моей индивидуальной природой. Но тогда вопрос сводится к следующему: определяется ли мой выбор тем, кто я есть, моей природой?

И если это так, то смогу ли я изменить то, кто я есть, свою природу? Позвольте мне повторить. Определяется ли мой выбор моей природой, тем, кто я есть.

Или могу ли я изменить свою природу, то, кто я есть, в определённых рамках? Другими словами, свободен ли я влиять на свою природу, даже если я не полностью свободен в выборе? Если мы допустим, что мой выбор ограничен сущностью, которая принадлежит мне, имею ли я какую-либо власть изменять свою сущность в каком-либо отношении? Именно так, кажется, и формулируется этот вопрос. Однако, изначально, у Лейбница встречаются отрывки, в которых он, кажется, отвергает нецелесообразность.

Мнение о том, что выбор неизбежен. Вопрос причинной необходимости. Позвольте мне обратить ваше внимание на два таких момента.

Одна из них находится в антологии на странице 223, это сокращенный вариант теодицеи. И позвольте мне прочитать, что он говорит в первой колонке примерно на треть пути вниз. Предопределение событий причинами как раз и способствует нравственности, а не разрушает ее.

Вам знакомо старое возражение о том, что детерминизм разрушит мораль, поскольку лишит нас индивидуальной ответственности. Поэтому, по его словам, предопределение событий способствует нравственности, а не разрушает ее. Причины склоняют волю, не принуждая ее.

Хорошо, санктор — это некоторая остаточная свобода. Причины склоняют волю, не принуждая её. Именно поэтому рассматриваемое определение не является необходимостью.

Тот, кто всё знает, уверен, что следствие последует за склонностью. Но следствие этого подразумевает противоречие. Именно благодаря такой внутренней склонности воля определяется без всякой необходимости.

Предположим, у человека есть величайшая страсть в мире, например, сильная жажда. Вы согласитесь, что душа может найти причину для сопротивления ей, если бы это было лишь проявление её способности сопротивляться. Таким образом, хотя человек, возможно, никогда не достигнет состояния полного безразличия, равновесие всё же существует.

Существует этот причинно-следственный вакуум. Вы никогда не находитесь в состоянии равновесия. Всегда может быть преобладание склонности в пользу выбранной стороны.

Это никогда не делает принятое решение абсолютно необходимым. Теперь он, кажется, говорит, что всегда существует некоторая возможность выбора противоположного варианта, если есть такое желание. Даже если единственная причина сопротивления этому желанию — показать, какой ты мужик.

Увидите. Сила противоположного выбора всё ещё существует. Похоже, он выступает за определённую степень свободы.

На странице 229 есть нечто подобное. Это раздел 30 из «Рассуждения о метафизике». Раздел 30.

Там, где он говорит о том, как Бог, сотрудничая с обычными действиями, следует только тем законам, которые он установил. И, судя по всему, в другом отрывке, и в этом тоже, он говорит о том, что Бог, установив законы, также обладает полным предвидением. Полным предвидением.

А поскольку он знает, что будет сделано, можно сказать, что это предопределено. Это не значит, что это необходимо. Гипотетически, могло бы быть и иначе.

Создается впечатление, что есть достаточное основание, но не необходимое, для проведения этого различия. Итак, вернемся к отрывку 229. Он следует установленным им законам.

Иными словами, он постоянно сохраняет и созидает наше бытие. Помните, что процесс созидания — это непрерывный процесс. Фульгурация — это постоянное дарование силы бытия.

Спонтанно возникает этот внутренний детерминизм. Или же свобода в том порядке, который несёт в себе концепция нашей индивидуальной сущности. Таким образом, мыслительный процесс и особая последовательность идей являются выражением свободы быть самими собой.

И если это можно предвидеть на всю вечность, в силу Божьего повеления, согласно которому воля всегда будет стремиться к кажущемуся благу в определенных конкретных аспектах, то это и есть телеология; Он, несколько не обязывая нас к выбору, определяет его тем, что кажется наиболее желательным. Таким образом, кажется, что Бог, создавая нас, создает нас с желанием того, что кажется наиболее желательным, и именно это мы и делаем. Конечно, Бог может сделать определенные вещи желательными.

И так далее. В самом абсолютном смысле, наша воля, в отличие от необходимости, находится в состоянии безразличия, поскольку способна действовать иначе. Полностью приостановить свою деятельность.

оба варианта. Поэтому на душу возлагается обязанность остерегаться видимости. Видимости, да, того, что кажется хорошим, но на самом деле таковым не является.

Понимаете? С помощью твердой воли. И для размышления.

Размышлять. Отказываться действовать или принимать решения в определенных обстоятельствах, кроме как после зрелого обдумывания. Таким образом, он, кажется, утверждает, что мы можем быть сбиты с толку внешними проявлениями, если, и это звучит в духе Декарта и Спинозы, если мы не убедимся в ясном понимании в результате размышления, зрелого обдумывания.

Хорошо. В этом смысле, ясность мысли рассеет путаницу, связанную с внешним видом, и вы увидите, что это обманчивая видимость. И, следовательно, вы будете желать чего-то другого, нежели того, что вам совершенно свободно делать.

Свобода, то есть, исходя из вашей естественной склонности к тому, что сейчас кажется вам хорошим. Таким образом, то, что кажется вам хорошим, то, к чему вы естественным образом склонны стремиться, может изменить это представление, когда разум получит достаточно времени для размышления и

зрелого суждения. Теперь есть еще один отрывок, который, я думаю, нам нужно сравнить с этим.

Вернемся к странице 208 «Монадологии» . 208, абзац 30. Он только что говорил, что именно это основание возвышает человека до познания самих себя.

И о Боге. Таким образом, благодаря рациональному мышлению, мы можем яснее понимать самих себя и познавать Бога как благо. Благодаря рациональному мышлению.

Теперь перейдём к 30-му абзацу. Благодаря знанию необходимых истин и их абстрагированию мы поднимаемся к актам размышления. Именно об этом он говорил ранее, что нам это необходимо.

Нам необходимо размышлять. Мы прибегаем к актам размышления, которые заставляют нас задуматься о том, что называет себя «я», заметить, что то или иное находится внутри нас. Таким образом, размышляя о себе, мы думаем о субстанциальном существе, о нематериальном и о самом Боге.

Понимание того, что то, что в нас ограничено, в Нем не имеет границ. Таким образом, размышление дает нам представление о том, что намного лучше нас, и к этому следует стремиться. И поэтому вся естественная склонность связана с ясностью мысли и с правилом разума.

Теперь, именно эти отрывки создают впечатление, будто он отстаивает свободу воли . Однако здесь возникает проблема, когда мы переходим к странице 233. 233.

Это содержится в отрывках из более фрагментарного произведения, озаглавленного здесь «Первые истины. Первые истины и необходимые истины». Хорошо.

А в самом низу строки 232 вы видите курсивное начало абзаца. Идеальное описание личности. Хорошо, вот суть, природа .

Включает все его предикаты: прошедшее, настоящее и будущее. Таким образом, всё, что касается индивида, содержится в его природе. Предикаты будущего времени.

Иными словами, действия, которые обусловлены личностью человека. Выбор, обусловленный личностью человека. Все эти качества человека заложены в его природе, когда она становится ясной.

Теперь, в свете этого, в верхней части первого столбца из 233, следовательно, в совершенном представлении о Петре или Иуде. Хорошо, Петр или Иуда. Рассматривается просто как возможный объект, абстрагированный от божественного предопределения его сотворения.

В этой концепции присутствуют все, что Бог предвидел и предвидел, все, что с Ним произойдет, как необходимое, так и естественное. Следовательно, очевидно, что Бог выбирает из бесконечного множества возможных личностей тех, кого Он считает более подходящими для высших и сокровенных целей Своей мудрости. Таким образом, помимо Петра, который отрекся бы от Него, и Иуды, который предал бы Его, могло бы быть создано множество других личностей.

Хорошо. Другие возможные миры. Это не единственный возможный мир.

Существуют и другие возможные миры, в которых не было бы ни Петра, ни Иуды. Хорошо. Тогда они больше соответствуют мудрости Бога.

Он не предписывает Петру грешить или Иуде быть проклятым, а скорее предписывает, отдавая предпочтение перед другими возможными личностями, Петру, который, несомненно, согрешит, но не обязательно, а добровольно, и предписывает создать Иуду, который понесет проклятие, — они должны появиться на свет. Видите ли, предписание связано с существованием. Или с тем, что возможная концепция должна стать реальностью.

Допустим, будущее спасение Петра заключено в вечной возможной концепции Петра, но это не исключает вмешательства божественной благодати. Как же тогда Петр, отрекшийся от Него, мог быть спасен? О, благодаря божественной благодати, которая делает Самого Бога желанным, гораздо более желанным, чем в случае отречения. Понимаете?

Итак, по милости Божьей, по действию Бога в этом случае, да, Петр мог быть спасен. Таким образом, помощь божественной благодати также содержится в аспекте возможности, то есть в представлении о Петре, которое включает в себя все его действия и выборы. Поэтому, кажется, в этом отрывке он говорит, что есть, да, свобода, не необходимость, а свобода в силу того, что делает Бог.

Свобода обрести спасение. Свобода, если хотите, изменить свою собственную природу. В этом смысле.

Итак, возникает двусмысленность. Он придерживается концепции свободы как индетерминизма? Или же он рассматривает свободу скорее как своего рода компатибилизм? Он, безусловно, утверждает, что свобода совместима с предопределенной природой. С предустановленной природой.

Природа предопределена. Это совместимо с ней. Он говорит, что наша природа может быть изменена, но это часть предопределенности природы.

Он говорит, что мы вольны изменять направление своих желаний, изменять свою природу, когда, поразмыслив, понимаем, что есть добро. Ясное представление о Боге, и Пётр любит Его, а не отрекается от Него. Он был сбит с толку предательством.

Итак, как вы собираетесь это воспринять? Единственный недостающий элемент головоломки, который я вижу, связан с соотношением между случайной и необходимой истиной. Когда он говорит об эпистемологии, как мы уже отмечали, он различает эти две понятия. Случайные истины зависят от того, произойдут ли определенные события.

Логически это не обязательно так. Однако есть отрывок, которого нет в антологии, где он говорит о знании Самого Бога. И, кажется, утверждает, что знание Самого Бога — это вся необходимая истина.

Видите ли, с нашей точки зрения, то, что произойдёт с Петром, зависит от определённых обстоятельств. Зависит от того, достигнет ли Бог Петра по Своей благодати. С нашей точки зрения, это зависит от обстоятельств.

Но с точки зрения Божественного предвидения, то, что мы считаем случайным, логически необходимо для совершенства целого. Он выбирает, исходя из совершенства целого. Таким образом, кажется, что принцип совершенства, связанный с природой всей иерархии и её компактностью, требует наличия Петра и Иуды.

Видите ли. И пусть Петр отречется, а Иуда предаст. Теперь, является ли это компатибилизмом, сводящимся к детерминизму? Вот в чем вопрос.

И, например, индетерминист, такой как Билл Хаскер, автор небольшой книги по метафизике, которую некоторые из вас, возможно, читали в серии «Индивидуальность», — ярый индетерминист. Я учился у него в университете, когда преподавал курс теологии. И он был самым ярым противником кальвинизма среди арминианцев, насколько я помню, из всех, кого я когда-либо встречал на занятиях.

Он — убежденный индетерминист в теологическом и философском плане. И он бы сказал: да, всякая компатибилизация просто переходит в детерминизм. Это маска для детерминизма.

Больше ничего. Что ж, оставляю вам самим решать этот вопрос. Так это или нет? Я склонен считать, что Лейбниц не ставил перед собой цель быть детерминистом.

Но он не хочет видеть свободу воли в отрыве от идей Декарта. Для этого он слишком кальвинист. Но он недостаточно кальвинист, чтобы быть сторонником необходимости.

Недостаточно кальвинист? Я не думаю, что Кальвин был еще и сторонником необходимости. Ну и ладно. Ладно, хватит о детерминизме свободы.

Есть вопросы или комментарии? Мне любопытно, насколько взгляды Лейбница близки к тому, что отстаивал Пахельбель. Да, я так не думаю, по крайней мере, я никогда не считал, что Лейбниц следовал этому пути. Мне кажется, этот путь был развит в позднем Средневековье и возрожден сравнительно недавно.

Я не знаю, есть ли в книге кто-нибудь, кто, размышляя о срединном знании, обращался к идеям Лейбница, или нет. Говорят о том, что это заложено внутри нас. Некоторые рассуждения звучат как идеи XX века, например, Уайтхеда.

Да, да. Оказывает ли это влияние на Уайтхеда? Знаете, я склонен сказать: подождите, пока мы прочитаем Уайтхеда. Есть сходства.

Я не нахожу в работах Уайтхеда ничего, что могло бы заинтересовать Лейбница. На него гораздо больше повлияли идеалисты XIX века, такие как Гегель и Брэдли. С другой стороны, Уайтхед долгое время работал с Бертраном Расселом.

Одна из первых книг Рассела была посвящена Уайтхеду. Хотя нет, я бы сказал, что она была о Лейбнице. Так что сказать точно сложно.

Для Уайтхеда конечные составляющие реальности довольно схожи с монадами Лейбница. И эта аналогия может показаться весьма поразительной. Однако, я не могу вспомнить ни одного места в трудах Уайтхеда, где он выражал бы свою признательность Лейбницу.

Но, говоря это, я хотел бы обратить внимание на один раздел его главного труда. Возможно, он там что-то и рассматривает, когда анализирует некоторые исторические вопросы. Но есть интересные сходства.

Дэвид? Ну, я думаю, позвольте мне начать с этого. Я не помню, чтобы когда-либо слышал или читал, чтобы Гаскер критиковал Лейбница. По сути, он говорит то, что говорит, и в своей небольшой книге по метафизике, он это говорит.

Можно ли это назвать компатибилизмом, при котором свободный выбор человека обусловлен его собственной природой? Причём сама природа обусловлена? Даже если существует некоторая обратная связь от наших реакций, которые вызваны изменениями в нашей природе.

Любой вид компатибилизма, в котором свобода обусловлена нашей собственной природой, на самом деле не более чем детерминизм. Это просто вопрос внутренней причинности, а не внешней.

В этом и заключается претензия. Мне кажется, что Лейбниц пытается сохранить не только человеческую свободу в каком-то смысле, но и свободу Бога действовать.

Обратите внимание, насколько Лейбниц отличается от деистического представления о Боге, согласно которому Бог создал лишь человека, и на этом всё.

Бог Лейбница — это тот, кто постоянно дарует существование. Тот, кто благодаря своей благодати привлекает выбор человека. Поэтому он гораздо более теологически адекватен, чем деистическая картина.

И мне кажется, что Декарт представил нам своего рода деистическую картину человеческой свободы. Конечно, он был додеизмом, и я думаю, это было непреднамеренно с его стороны. Но картина, похоже, такова: хорошо, Бог дал вам свободу воли, теперь все зависит от вас.

Ну, знаете, ни один кальвинист не будет этому рад. И я не думаю, что хороший арминианец тоже должен быть этому рад. Нет, потому что Бог продолжает действовать, участвовать в нашей жизни.

Значит, Лейбниц не хочет индетерминизма Декарта. Это совершенно ясно. Да.

Да, обратите внимание, что для Лейбница, поскольку между разумом и телом нет причинно-следственной связи, существуют причинно-следственные связи между телами, которые являются составными частями, но не между разумом и телом, духом и телом. Отсюда следует, что разум, воля, следовательно, свободны от физической причинности. Видите ли, нет никаких внешних причин, которые могли бы определять.

Можно определить только внутреннее. И вопрос в том, могу ли я изменить свою природу. Видите ли, Бог может, благодаря непрерывному процессу созидания и особой, притягательной благодати.

Да, я могу изменить свою собственную природу, если буду ясно мыслить о том, что кажется мне хорошим. Но является ли это ясное мышление чем-то predetermined? Вот где возникает двусмысленность. Да, так вот, точка зрения Хаскера заключается в том, что если индетерминизм — нет, верните его обратно, если нецесситаризм неверен, если компатибилизм сводится к своего рода нецесситаризму, то единственная альтернатива — это, понимаете?

И я думаю, мне бы хотелось хотя бы проверить гипотезу о том, что Лейбниц предлагает четвертую альтернативу. Знаете, всякий раз, когда вы сталкиваетесь с дизъюнктивным аргументом, А, В или С, и кто-то утверждает, что А неверно, В неверно, следовательно, С, ну, только предварительно, пока какой-нибудь умник не придумает D. Понимаете, и я думаю, что Лейбниц, возможно, придумал D. Хорошо, теперь давайте обратимся к имеющемуся у нас материалу, к плану, который я разослал по проблеме зла. Все получили такой план или остались какие-то непрочитанные? У вас есть? У всех есть? Передайте один в конце.

Итак, я собрал воедино ряд моментов, которые позволят поместить его подход к проблеме зла в более широкий системный контекст. Начнём с материала из монадологии. Принцип достаточного основания подразумевает наличие конечной причины вне последовательности случайных событий.

Телеологический аргумент. Конечная причина — это необходимое и совершенное бытие, всецело благое, всецело желательное. В природе же, напротив, существуют несовершенства.

Несовершенства, являющиеся частью самой природы вещей. Есть яблоки, которые гниют, и наши тела тоже подлежат переработке. Несовершенства в природе.

С другой стороны, он говорит о вечных истинах, концепциях всего сущего в природе. В разуме Бога, предвосхищающем всё. Он использует слово «архетипы», августианианскую традицию.

Сама сущность Бога заключается в существовании. И здесь кроется неявный онтологический аргумент, с которым вы знакомы. Но природа, возникшая в результате свержения, поскольку Бог является источником всего сущего, гармонизирована, а не просто раз и навсегда в начале, а затем нарушена.

Это почти деистическое представление. Но природа постоянно находится в гармонии благодаря вмешательству Бога, а также его непрерывной деятельности. И он неоднократно использует слова «вмешательство» и «коррекция» .

Таким образом, это лучший из всех возможных миров. Есть и другие миры, которые Бог задумал. Миры без Иуды и Педаса.

Лучший из всех возможных миров. И это, похоже, априорная истина. Он не доказывает эмпирически, что это лучший из всех возможных миров, а основывается на априорных данных.

Безусловно, концепции, которые он здесь выстраивает в плане иерархии бытия. Теперь речь идет о том, что это лучший из всех возможных миров, который подвергся сатирической критике со стороны Вольтера в его «Кандиде». Вы знакомы с этим произведением? С «Кандидом» Вольтера.

В этой истории он представил себе человека, путешествующего по миру и открывающего для себя все ужасные вещи. И во время катастрофического землетрясения в Лиссабоне он встречает, кто бы это ни был, профессора Панглосса, что означает «только болтун». Можете себе представить, кого это символизирует.

Профессор Панглосс бормочет, идя по руинам: «Это лучший из всех возможных миров». Сатирическая критика жизни. Лучший из всех возможных миров.

Итак, в ряде мест этого отрывка, в разделах с 53 по 55, а также в разделе 86, вы найдете множество мест, где причина, по которой этот мир является лучшим из всех возможных, заключается в том, что Бог всеведущ, Бог всемогущ и Бог всеблаг. И к этому постоянно возвращается мысль: Бог всеведущ, Бог всемогущ, Бог всеблаг.

Теперь, если взять эти утверждения как первое, второе, третье и добавить четвертое, мы получим классическую формулировку логической проблемы, связанной со злом. Это происходит из-за утверждения, что четвертое утверждение логически несовместимо с первыми тремя. Если бы Бог был всеведущим, он бы знал, что с этим делать.

Если он всемогущ, он мог бы это сделать. Если он абсолютно добр, он бы захотел это сделать. Зло существует, поэтому по крайней мере одно из других предположений должно быть ложным.

Обычно в таких случаях, исходя из аргумента Фомы Аквинского о высшем благе (и вы найдете это и у Лейбница), говорят: «Но зло допускается ради высшего блага». Поэтому обычно в ответ редактируют четвертую главу, чтобы она звучала так: «Зло существует без цели. Зло не служит высшему благу».

Зло без цели существует. И именно это утверждает Лейбниц: зла без цели не существует, потому что этот лучший из всех возможных миров — это не тот

поперечный срез, что был во время Лиссабонского землетрясения в 170-м году. Это не сигнализация о движении истории с заявлением: «А, посмотрите, это лучший из всех возможных миров».

Нет. Но это общий процесс, реализующий свою природу с помощью благодати Божьей, а также созидательной работы природы, Бога в действии природы. Таким образом, сочетание природы и благодати участвует в создании наилучшего из всех возможных миров.

Таким образом, следует сказать, что в своем подходе к проблеме зла Лейбниц работает не со статичным, а с динамическим взглядом на природу, используя эсхатологию в своем исследовании зла. Это становится очевидным, если вы обратите внимание, что следующая строка в монадологических утверждениях относится к граду Божьему. Это и есть цель.

Иными словами, он рассматривает весь процесс природы и благодати как кульминацию в граде Божьем на земле. Это августинская концепция. Однако не стоит считать это чем-то необычным для XVII века.

Помните, что Фрэнсис Бэкон, с его убеждением, что знание — это сила, и его стремлением, опираясь на доктрину творения, применить научные знания для улучшения человеческого существования, неоднократно говорил о Царстве Божьем. Его научная утопия — это его видение Царства Божьего. И то же самое, видите ли, верно и для Томаса Гоббса.

В «Левиафане» он говорит о гражданском обществе, которое обеспечивает соблюдение закона Божьего посредством гражданского права, и он рассматривает это как Царство Божие на земле. Таким образом, представление о Царстве Божием на земле очень распространено в XVII веке. Историческое движение в этом направлении породило идею прогресса, которая, как вы понимаете, стала одной из все более доминирующих идей эпохи Просвещения.

Оптимизм по поводу хода истории, прогресса в направлении некоего идеального общества, некоего Царства Божьего на земле. Неизбежность прогресса, как это иногда проявляется, вызывает интерес к тому, что мы сейчас называем философией истории. Таким образом, философия истории как дисциплина сама по себе, история раньше рассматривалась скорее как то, что называли изящной словесностью, хорошим, интересным текстом.

Тогда большой интерес вызывало время, исторический процесс, отсюда и идея прогресса в истории. И это расцвело в XIX веке в романтическом ключе к прогрессу, и мы увидим больше об этом во втором семестре, когда углубимся в эту тему. Но здесь кроются корни этого в видении Лейбница града Божьего как цели, задачи, к которой стремятся природа и благодать.

Итак, у вас есть несколько замечаний о грехе и наказании, и это часть заложенной природы вещей: в ходе природы даже за грех предусмотрено наказание. Это заложено во всей предопределенности. Хорошо, теперь это общая структура.

А что же содержится в теодицее? Первый раздел теодицеи, и в сокращенном варианте у нас есть пронумерованные разделы, посвящен аргументу о высшем благе. Зло просто является частью этой более широкой всеобъемлющей телеологии. Оно, как и любой другой вид вещей и свойств вещей, возникающих в рамках всей иерархии бытия, способствует совершенствованию целого.

А с учетом эсхатологии, в конечном счете, следует сказать: аргумент о высшем благе. У Лейбница это становится явно аргументом о высшем благе, который включает в себя Божью благодать и все видение того, что Бог совершает в ходе человеческой истории.

Во втором разделе делается очевидный вывод о том, что зло, следовательно, ограничено. Зло ограничено. Оно допускается только с определенной целью и, следовательно, ограничено тем, что может служить этой цели.

В то время как добро безгранично. Да, зло — это лишение добра, как мы увидим чуть позже. Затем он переходит к аргументу о свободе воли, где акцент делается на внутренней склонности воли и ее способности противостоять страстям.

Это тот отрывок, который я вам зачитал, первый отрывок, который я прочитал. Итак, из четвертого раздела следует, что разрешение человеческой свободы, или допущение осуществления человеческой свободы, и возникновение зла, оба эти явления были заложены в изначально задуманное сотворение мира во имя высшего блага. Пятый раздел, зло, да, это лишение добра, но ограниченное и целенаправленное лишение добра.

Шестая и седьмая главы возвращаются к природе Бога. Бог благ. Восьмая глава, восьмой раздел, возвращается к силе Бога.

Бог ничем не ограничен в своем творении, творит свободно, поскольку мог бы поступить иначе, и он так и делает. Существует различие между метафизической необходимостью и моральной необходимостью, которое он проводит. С метафизической точки зрения, Бог мог бы создать множество других миров, помимо этого.

Почему он создал именно этот мир? Дело в том, что с моральной точки зрения было необходимо создать наилучший из всех возможных миров. Таким

образом, Бог действует, исходя из моральной необходимости, а не из метафизической. И, как мне кажется, двусмысленность в работах Лейбница заключается в том, сводится ли моральная необходимость в Боге к метафизической необходимости в силу природы Бога.

Способен ли Бог на что-либо, кроме того, что является морально наилучшим? Вот в чем суть. Если Бог обладает совершенным знанием вечных истин, то Он обладает совершенным предвидением всего сущего. И Он действует в течение времени в природе так, что все вещи действительно достигают своей реализации.

Ну, вы понимаете? Одна из модификаций такого подхода, разработанная некоторыми современными авторами, заключается в отрицании того, что это лучший из всех возможных миров. Допустим, существуют и другие возможные миры, разве не могут существовать и другие миры, столь же хорошие, как этот? Теперь вы видите преимущество такого утверждения. Бог по-прежнему создает лучший из всех возможных миров, но он был совершенно свободен создавать и другие, даже морально свободен создавать и другие.

И поэтому, заботясь о свободе Бога, некоторые стали выступать за существование других, столь же наилучших возможных миров, а не только одного. Да. А что насчет того, кто мог бы так сказать? Как бы вы ответили тому, кто так сказал? Ну, он это учел.

Видите ли, Лейбниц это учитывает, не так ли? Ведь вы использовали слово «творить» в прошедшем времени. Лейбниц же хочет говорить о творении Бога в настоящем времени. Таким образом, суть в том, что творение, в его понимании, — это непрерывные взаимоотношения между Богом и природой.

Ну, он воспринимает это очень буквально. В чём разница между ними? Тот факт, что Бог продолжает даровать существование всему сущему, — это то же самое, что и прежде. Бог поддерживает существование и продолжает даровать существование существам, чью природу он предопределил, чья природа даже изменилась в результате грехопадения, понимаете.

Бог поддерживает существование, если хотите, людей в их греховности. Да. Понимаете? Таким образом, Он может охватить в этом контексте всю картину библейской ортодоксии.

Чтобы понять библейскую картину, необходимо учесть историческое движение событий. И ему это удалось. Если говорить о классической структуре реформатского протестантского мышления, то она строится на сотворении мира, грехопадении и искуплении.

Разве не об этом говорит Лейбниц? Сотворение, грехопадение, искупление. Понимаете ? Он рассматривает проблему зла в рамках этой теологической концепции, но при этом разработал метафизическую систему, которая поддерживает эту теологическую концепцию. Если хотите, Лейбниц пытался разработать подлинно христианскую философскую схему, по образцу некоторых средневековых философских систем.

Но такой подход был бы адекватен проблемам его времени. Поскольку сегодня последний день занятий, мне хочется сказать: иди и поступай так же. Другими словами, просто постарайся мыслить всецело по-христиански.

Итак, у нас есть пять минут на комментарии и отзывы. Он был протестантом? Да, да, протестантом, думаю. Нет, я не буду говорить больше, но он определенно был протестантом .

Очень активная церковь. Ваш комментарий о «закаленных водах». Что это дает? Что это дает? О, если это не единственный возможный лучший мир, значит, Бог мог создать альтернативы этому.

Но он решил этого не делать. Почему? Ну, уж точно не потому, что он был морально обязан выбрать именно этот вариант и никакой другой. Он мог выбрать и другие.

Он не был ограничен метафизическими рамками. Он мог выбрать других. Поэтому Бог свободно выбрал именно этого.

Это позволяет сделать тот акцент, который делают и многие католические богословы и философы. А именно, что Бог любил творение. И любит своё творение.

Он сам это выбрал. Это был акт любви. Да.

Да. Нет, дело не в том, что Бог ограничен самим собой. Скорее, речь идёт о том, что Бог в своей мудрости, силе и доброте видит, что, позволяя свободным агентам творить зло или позволяя происходить естественным процессам распада, Он может способствовать гораздо большему благу, чем если бы Он их не допустил.

Как мы говорим, лучше иметь людей, обладающих свободой, чем мир без свободных существ. Вот что подразумевается. Хорошо.

Обратите внимание, как много из того, что он говорит, перекликается с традиционными христианскими рассуждениями о проблеме зла. Это часть традиции. Хорошо.

Пожалуйста, заберите все необходимые вещи на следующей неделе.